

КРИЗА КЕРІВНИЦТВА У ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ ТА ПОЛІТИЦІ БЕЗПЕКИ ЄВРОПЕЙСЬКОГО СОЮЗУ ПІСЛЯ ЛІСАБОНСЬКОЇ УГОДИ

Мета статті – показати умови змін, пов'язаних з управлінням у сфері зовнішньої політики безпеки ЄС після прийняття Лісабонського договору, проаналізувати коло завдань, пов'язаних з управлінням у сфері цієї політики. Роздуми, представлені в статті, дозволяють зробити висновки щодо теоретичних і практичних можливостей зовнішньої політики та політики безпеки ЄС як на міжнародній арені, так і в Брюсселі.

Ключові слова: Лісабонський договір, Високий представник ЄС із питань зовнішньої політики та політики безпеки.

Цель статьи – показать условия изменений, связанных с управлением в сфере внешней политики и политики безопасности ЕС после Лиссабонского договора, проанализировать круг задач, связанных с управлением этой политикой. Размышления, представленные в статье, позволяют подвести итоги относительно теоретических и практических возможностей внешней политики и политики безопасности ЕС как на международной арене, так и в Брюсселе.

Ключевые слова: Лиссабонский договор, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

The purpose of the paper is to demonstrate the determinants that have led to change the way of leadership of Common Foreign Affairs and Security Policy, and the analysis regarding institutional disputes over power between the High Representative and the President of EU Commission, and between the President of the European Council and the High Representative, as well as between the presidency and the High Representative. These considerations make it possible to present the conclusions on the theoretical and practical opportunities to act in the field of EU foreign and security policy, both internally, and on the international arena.

Key words: The Treaty of Lisbon, leadership of Common Foreign Affairs and Security Policy.

Вступлення. Лісабонський договір пропонує зміни в сфері закордонної політики і політики безпеки Європейського Союзу, в тому числі обмеження можливостей дій на міжнародній арені, призначення Президента Європейського Ради, введення нової посади – Представителя ЄС по іноземних справах і політиці безпеки (який виконує одночасно функції віце-президента Європейської Комісії). Ці інституціональні зміни повинні були сприяти покращенню процесу реалізації зовнішньої політики безпеки і оборони, а також скоординувати процес управління зовнішнім виміром політики ЄС. Європейський Союз хоче виконувати роль головного актора на міжнародній арені, для цього потрібен новий імпульс, передбачений в договорі, який забезпечує йому інституціональну базу, яка буде в стані взяти на себе нові

завдання. Однак зміцнений механізм не є достатнім стимулом, що сприяє виконанню цілей реформ. Головною недоліком нової системи є відсутність моделі представництва, керівництво було замінено на неефективне управління політикою.

Изложение основного материала. Лісабонські зміни потрібно розглядати в контексті багаторічного процесу, який формував зовнішні стосунки Європейського Союзу. Со з часу Маастрихтського договору зовнішня політика і політика безпеки (II опора ЄС), зберігаючи окремі механізми прийняття рішень, належала інституціональним рамкам, використовуваним в області I опори ЄС (політики Союзу). Таке рішення давало тимчасове враження узгодженості зовнішніх дій Євросоюзу. Надання цієї політики міжнародного характеру обмежувало компетенції

Комиссии и Европейского Парламента, что привело к созданию двух систем, которые опирались на тот же институциональный аппарат, однако с другими компетенциями. Эта дихотомическая ситуация указывала на главный недостаток предложенного решения, а именно – на объективное распределение сфер в политике. Часть заданий была реализована в рамках I опоры, в которой ключевую роль исполняла Европейская Комиссия, а отдельные задания реализовывались в рамках II опоры, в которой ответственность за решения приписывалась исключительно Совету. Потом была сформирована система, в которой часть внешней политики ЕС, в основном в сфере экономики, проводилась Европейской Комиссией, а политическая сфера в рамках общей заграничной политики и политики безопасности, принадлежала Совету. Описанная ситуация «привела к дискуссии между двумя институциями относительно распределения компетенций и использования инструментов Европейского Сообщества и международных инструментов». Источником раздела был не «разный характер отношений, а система принятия решений и процедуры деятельности» [1, с. 8]. Действия Комиссии и Совета оставили видимость сотрудничества, потому что в самой их основе заложена конкуренция между собой. Во многих случаях тяжело было найти границу принятия решений в политической и экономической сфере, а тем более – реализовать экономический интерес без политического фундамента. Следует добавить, что в рамках общей заграничной политики и политики безопасности Комиссия обеспечивала административный аппарат и именно она играла главную роль в формировании бюджета, что создавало неформальное, но, в то же время, важное влияние на реализацию той политики и приводило к дискуссиям о компетенциях [2, с. 35-47].

Изменения во внутренних договорах ЕС, внесённые в 90-ых годах, усилили позиции Совета относительно Комиссии [3], то есть на практике усилили политический контроль стран-членов ЕС за действиями комиссаров. Такую ситуацию старались как-то поправить путём создания должности, которая обеспечивала бы координацию действий, а также общую презентацию ЕС во внешнем мире. В Амстердамском договоре была создана должность Высокого (Верховного) представителя ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности. Одновременно он был и генеральным секретарём Совета. С момента вступления в силу Амстердамского договора была создана так называемая тройка, которая представляла ЕС во внешних отношениях, а именно: Высокий представитель, страна, которая председательствует в Совете ЕС и страна, которая будет председательствовать следующей. Практически появление координатора внешней политики давало шанс на более эффективное сотрудничество стран в ситуации, когда они уже получили согласие. Это не означало замены голоса стран голосом представителя от целого ЕС. Главным вопросом, который стал

предпосылкой на будущее внешней политики ЕС, стала сплочённость, которая опиралась в общую позицию/стратегию внешних действий. Иначе говоря, были попытки найти ответ на вопрос: ЕС должен говорить одним голосом, или высказываться многими голосами, хором европейских институций и стран-членов ЕС, высылая при этом одно общее уведомление для остального мира. Главную роль в обеспечении единства в действиях должен был исполнять Высокий представитель. Почти десять лет, согласно Амстердамскому договору, эту функцию исполнял испанец Хавьер Солана. В этом договоре не хватило политической воли стран-членов ЕС, чтобы обеспечить его функции сильным мандатом. Рамки его действий ограничивались помощью Совету в делах внешней политики и политики безопасности, внося только вклад в формулировку, приготовление и внедрение политических решений. Действовал он от имени Совета, когда проводил диалог с третьими сторонами. Хавьер Солана справлялся с заданиями, опираясь на личный опыт, политическое чутьё и эффективному, а иногда малоэффективному, стиль ведения дел. Он должен был уметь вести переговоры не только с третьими странами, но и с членами ЕС, чтобы примирять их амбиции и интересы. Несомненно, что он имел особенное обаяние для проведения переговоров. Его осторожные высказывания гарантировали ему стабильность.

Развитие институций ЕС благоприятствовало появлению дискуссий между Комиссией и Секретариатом Совета. Укреплённая внутренними договорами ЕС сильная позиция Комиссии, с разросшимся административным аппаратом, доминировала на международной арене и ассоциировалась с представителем ЕС в мире. Действующий от имени ЕС, Высокий представитель по вопросам внешней политики и политики в области безопасности ЕС потихоньку укреплял свою позицию в той сфере. Однако, имея несравнимо меньшую административную и финансовую базу и права, он должен был ограничивать свои амбиции. De facto, Высокий представитель исполнял такие функции, которыми раньше Европейская Комиссия не занималась.

Учитывая выше описанные трудности, более 10 лет Солана, как Высокий представитель, был создателем институционального аппарата, который реализовал общую политику безопасности и обороны ЕС. Он с нуля, постепенно, но эффективно, создавал общую внешнюю политику. За срок его полномочий произошли такие чрезвычайные события, как теракты в Нью-Йорке и Мадриде, конфликты в Югославии, войны в Ираке и Афганистане. Эти события указывали на отсутствие и несовершенство сотрудничества членов ЕС и повлияли на создание модели поведения в кризисных ситуациях. За период исполнения его функций дошло до введения в действие 23 миссий управления кризисом. Высокий представитель, как уполномоченный в проведении переговоров, побывал в более 600 заграничных визитах [4].

Выступая от имени Совета, он имел очень ограниченные полномочия. Боролся с двумя трудностями. Первой была операционная слабость и отсутствие реальных инструментов проведения внешней политики. Вторая – разногласие в политических взглядах в ЕС в связи с разнородностью интересов отдельных стран. Его действия разбивались о стену конкуренции с дипломатами отдельных стран ЕС больше, чем в отношении с третьими сторонами. Разногласие амбиций в Евросоюзе, которое было связано с разными интересами членом ЕС, показывали его слабость. Следует подчеркнуть то, что Солана часто переступал границы договора и определял направления эффективной практики сотрудничества стран во внешних отношениях. Деятельность Высокого представителя была следствием того, на что члены ЕС выражали согласие. Однако, его стиль проведения внешней политики действовал как стимул для стран ЕС и гарантировал их сотрудничество.

Период, когда Солана исполнял свои функции, учитывая ограничения в договоре и критику действий или бездействия, оценивается позитивно. Подчеркивалось его умение коммуникации в ведении дел, особенно в связях со СМИ. Он создал две сферы реализации своих функций: внутреннюю и внешнюю. Первая была связана с возможностью принятия решений в институциях ЕС, переговорами со странами-членами ЕС, коммуникацией со СМИ, контактами с общественностью в ЕС. Вторая сфера связана с политикой относительно третьих стран, сотрудничеством с международными организациями, разработкой стратегии.

Одной из самых важных целей Лиссабонского договора было увеличение эффективности внешней политики ЕС. Главным изменением для институций, которое должно успокоить их амбиции, было решение об укреплении позиции Высокого представителя ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности путём включения его в Комиссию как её вице-президента и комиссара, ответственного за внешние отношения. Спор о роли Высокого представителя сопровождал работу Конвенции, а позднее – и международной конференции, которая должна была утвердить договор, учреждающий Конституцию для Европы. Нежелание англичан менять название Высокого представителя на Министра внешних дел, а также устанавливать рамки его полномочий было первым сигналом к тому, что борьба о единой позиции во внешней политике ЕС будет очень тяжёлой. Непринятие названия «министр» было знаком, что и дальше «телефон Европа» будет звонить в столицах главных стран ЕС, а не в Брюсселе.

Многочисленные споры относительно кандидатуры Кэтрин Аштон не помешали тому, чтобы 19 ноября 2009 года Европейский Совет доверил ей некоторые функции Высокого представителя ЕС по вопросам общей внешней политики и политики в области безопасности. Выбор этой

малохаризматичной особы в прессе был назван непонятным экспериментом и поддан всеобщей критике [5]. Кэтрин Аштон получила жесткую критику во время первого и второго заседания в Европейском Парламенте, как раз перед созданием Европейской Комиссии, членом которой должна была стать [6]. Она обвинялась в некомпетентности, была раскритикована за отсутствие ответов на ключевые, согласно мнению евродепутатов, вопросы. Перед вступлением в должность Кэтрин Аштон не была известна широкому кругу и имела небольшой опыт работы в европейских институциях [7]. Её биография вызывала споры. Эта британская лейбористка была отрицанием мифа о европейском дипломате, поскольку не имела опыта в английской дипломатии, а также не владела хорошо французским языком.

В первом периоде срока полномочий Кэтрин Аштон началась практика использования новых институциональных правил, где ключевыми стали связи между институциями. В теории каждый преемник Хавьера Соланы должен проводить изменения. В новом Лиссабонском договоре Высокий представитель имеет возможности, которые дают полномочия комиссара, ответственного за внешние отношения и исполняющего обязанности вице-президента Комиссии. Позиция Высокого представителя после этих действий значительно укрепилась по отношению к бывшему Высокому представителю Хавьеру Солане. Увеличились ожидания относительно действий Высокого представителя. Джулиан Говард их определяет так: в институциональном плане (возможность соединить функции в Совете и Комиссии); в создании Европейской службы внешних действий; в укреплении позиции ЕС на международной арене [8].

Для реализации ожиданий важным было определение функций Высокого представителя. Расположение этой позиции в Комиссии имеет значение для будущих направлений внутренней реформы тех институций, которые могут привести к укреплению роли вице-президентов. Возможность конфликта между вице-президентом Комиссии и Высоким представителем возникает от того, что договор подтверждает: «за исключением общей внешней политики и политики безопасности, [Комиссия] обеспечивает презентацию ЕС внешнему миру» (глава 17 уст. 1 ДЕС). Вице-президент комиссии до того времени исполнял важную роль во внешних действиях, особенно в сфере торговли и помощи для развития. Отношения Кэтрин Аштон с Жозе Мануэлем Бароззу нельзя назвать приятельскими. Видна конкуренция двух представительств. Кэтрин Аштон, подчинённая Ж. М. Бароззу, как шеф Совета по иностранным делам часто спорит с ним о компетенциях. Появляются отзывы о враждебности обоих представителей за пределами ЕС [9]. Ж. М. Бароззу несколько раз игнорировал Кэтрин Аштон, минуя лиссабонскую процедуру. Подтверждением этому может служить процесс назначения послом ЕС в США бывшего

шефа кабинета Ж. М. Баррозу Жоао Вале де Альмейда. Европейская служба внешнеполитической деятельности показала наибольшую разницу во мнениях между Высоким представителем и президентом Европейской Комиссии. К спору активно присоединились депутаты парламента ЕС. В начале 2010 года Е. Брок (с фракции Европейская народная партия (ЕНП)) и Г. Верхофстадт (с фракции Альянс либералов и демократов за Европу) приготовили предложение. В нём они указывали на то, что Европейская служба внешних действий должна быть телом (не институцией, и не агентством), подчинённым Комиссии, а Парламент – иметь влияние на её состав, бюджет и действия [10]. Высокий представитель выступила с контр-предложением, которое заключалось в том, что главная роль предоставлялась автономной службе, подчинённой ей непосредственно; отсутствие дублирования между Европейской службой внешних действий, Комиссией и Секретариатом Совета; организация, основанная на разделе на генеральные директораты/дирекции [11]. Окончательное решение, принятое в половине июня, утверждало автономность Европейской службы внешних действий и тесное сотрудничество с Комиссией [12].

Видно, что достижения политического авторитета, который создавал себе годами Хавьер Солана, невозможно для Кэтрин Аштон. Её суровая и бескомпромиссная позиция усложняет ведение дипломатии и противопоставляется обаятельному испанцу. Главную слабость Кэтрин Аштон видно в отношениях со СМИ. Её имидж в СМИ имеет влияние на её действия как Высокого представителя. В марте 2010 года министры иностранных дел, обеспокоенные негативным публичным имиджем Аштон, начали выступать в её защиту. Косвенное влияние имело на это ускоренное принятие решения относительно Европейской службы внешних действий. Будучи под давлением общественного мнения, которое требовало успехов после Лиссабонского договора, Совет должен был прийти к компромиссу в политике Европейской службы внешних действий. Сильное правительство и позиция вице-президента Европейской Комиссии столкнулись с кризисом управления в ЕС, элементом чего был выбор хороших чиновников, а не харизматичных политиков на посты Высокого представителя и Президента Европейского Совета.

После Лиссабонского договора Высокий представитель является членом коллегии и вице-президентом Комиссии. В её рамках он отвечает за координацию действий во внешних отношениях, которые охватывают политику расширения, торговлю, помощь для развития и гуманитарную помощь. Можно сказать, что исполняя свои функции, Высокий представитель является ответственным за внешние аспекты других политик, например охраны окружающей среды или сельского хозяйства. Признание полномочий координатора означает, что функция вице-президента Комиссии, до того времени символическая, получила большее значение.

Высокий представитель ответственный за реализацию общей внешней политики и политики безопасности. Эта сфера характеризуется трудностями в принятии решений. Желание прийти к компромиссу между странами – это основное задание Высокого представителя. Высокий представитель также отвечает за выполнение решений, принятых Советом и Европейским Советом. Договор не предвидел, однако, никаких новых механизмов, которые бы способствовали согласованной деятельности стран или же заставляли их исполнять принятые ими обязательства. Кэтрин Аштон, не приняла во внимание своего опыта в дипломатии, поскольку такового не имела, поэтому очень скоро стала перед серьёзными испытаниями. Заметными были её действия на Далёком Востоке. Главным экзаменом для её умений стали события, связанные с началом арабской весны, особенно интервенция во время войны в Ливии.

На фоне событий арабской весны проверялся новый Лиссабонский договор относительно отношений между институциями. Решения этого договора ослабляют исполнительную силу страны-члена ЕС, которая председательствует, относительно Президента Европейского Совета и Верховного представителя. После Лиссабонского договора значительно ограничилась роль председательствования страны в Совете ЕС, особенно в сфере внешней политики и политики безопасности [13]. Высокого представителя может заступить представитель, который представляет страну-члена ЕС, председательствующую в Совете [14]. Согласно правилам, когда созывается Совет иностранных дел с целью обсуждения вопроса общей политики торговли, тогда её президента заступает представитель страны, которая председательствует в Совете. Совет общих дел играет главную роль в подготовке заседаний Европейского Совета. Совет, действуя вместе с Президентом Европейского Совета и Комиссией, соединяют институциональные и административные дела горизонтально, которые влияют на разные направления деятельности Европейского Союза. Механизм координации работ других составов Совета описан нечётко [15].

Результатом введения новых полномочий для Высокого представителя есть изменение институционального равновесия [16]. Изменились направления действий, что повлияло на создание новой модели, в которой успех председателя зависит от координации действий председательствования с Президентом Европейского Совета, а также в сфере заграничной политики и политики безопасности Верховного Совета [17]. Динамика взаимных отношений может опираться на харизму политиков, которые исполняют свои полномочия, и на их амбиции в реализации собственной программы действий.

Значительной есть проблема репрезентации Высокого представителя. Членство в нескольких институциях порождает проблему присутствия в нескольких местах одновременно, что в результате приводит к необходимости заместительства. Шеф

дипломатии ЕС была раскритикована за то, что поехала на инаугурацию президента Украины в 2010 году, игнорируя встречу с министрами обороны и Генеральным секретарем НАТО на Майорке [18]. Она нарушила тем самым обычай, введенный её предшественником, который участвовал во всех встречах такого типа. Её визит после землетрясения на Гаити считался запоздалым [19]. К критике присоединились члены Европейской Комиссии [20]. Критики обвиняли Кэтрин Аштон в её частом отсутствии во время встреч Комиссии [21]. Устав Совета предусматривает заместительство Верховного представителя министром иностранных дел, который представляет его на форуме Совета иностранных дел. Это право он получил ещё перед Лиссабонским договором, то есть исполнять главную роль в переговорах. В связи с этим сложилась необходимость в надлежащем обмене информацией. Отсутствие Кэтрин Аштон на важных встречах не всегда возникала из-за её занятого графика. В Мадрид на саммит ЕС-США были приглашены Премьер-министр Испании как глава страны, которая председательствовала в Совете, Президент Комиссии, Президент Европейского Совета, но был пропущен Высокий представитель. Саммиты ЕС-третья страна показывают, как много лидеров есть в Евросоюзе и как много президентов/председателей могут считаться его главами. Спор о руководстве ограничивает роль Высокого представителя. Лиссабонский договор был началом процесса, процедуры и механизм которого создаются, а новые функционеры влияют не только на стиль выполнения полномочий, но и создают основы этих функций. Лиссабонский договор – это стимул ускорения процесса «брукселизации» [22].

Решение Совета обязывает сотрудничать Высокого представителя со страной, которая председательствует в Совете ЕС, чтобы обеспечить согласованность действий всех органов Совета иностранных дел. Влияние страны-члена ЕС на решение Высокого представителя, его планы, очень усложнено, поскольку угрожает её позиции в новой системе институций. Страны, председательствующие после 2010 года, избегали упоминания в приоритетах заданий, непосредственно связанных с Высоким представителем. Исключением было председательство Польши. Для успеха председательства важным есть обеспечение обмена информацией и создание рамок сотрудничества между Высоким представителем и страной, которая председательствует в Совете ЕС. Повышается роль механизма неформальных действий для обеспечения согласованности работ Высокого представителя и приоритетов председательствования страны.

Существенными были также трудности в эффективном исполнении обязанностей Президента Европейского Совета в связи со смешанной системой председательства в Совете ЕС, принятой в Лиссабонском договоре. Это решение есть компромиссным, связующим элементы постоянного председательствования в Европейском Совете и Совете иностранных дел и ротационного в

остальных составах Совета. Эффективность системы является производной хорошего сотрудничества между постоянным президентом, Высоким представителем и каждой очередной страной, которая председательствует в Совете ЕС. В Европейском Совете ротационное председательствование было замещено постоянным президентом, выбираемым каждые 2,5 года. Согласно ст.15 гл. 6 договора о Европейском Союзе, Президент обеспечивает на своём уровне и в пределах своей юрисдикции презентацию ЕС во внешнем мире относительно общей внешней политики и политики безопасности, без ущерба для полномочий Высокого представителя ЕС в вопросах внешней политики и политики безопасности. Лиссабонский договор не описывает раздела заданий и компетенций между Высоким представителем и президентом Европейского Совета в вопросах внешней политики ЕС. Постоянный Президент должен обеспечить внешнюю презентацию ЕС «на своём уровне и в рамках своих компетенций». Однако, это, по сравнению с Высоким представителем, не имеет чётко установленных компетенций и обязательств в той сфере.

Выводы. С начала функционирования общей внешней политики и политики безопасности ЕС заметны были споры между институциями, причиной которых были трудности в чётком описании рамок компетенций Комиссии и Совета. Постановления Лиссабонского договора выражают амбиции ЕС к изменениям его роли в международной политике. Несомненно, создание новых компетенций для Высокого представителя и подчинённой ему службы повлияло на увеличение сплоченности и эффективности действий на международной арене. Лиссабонский договор оставляет много подводных камней в новой институциональной системе.

Практика использования Лиссабонского договора показала возможности дискуссий между институциями на линии Высокого представителя и президента Комиссии, Высокого представителя и страны, председательствующей в Совете ЕС, Президента Европейского Совета и Высокого представителя. Новая роль Высокого представителя должна была дать ответ на вопрос о реализации общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Соединение функций Высокого представителя и Комиссара по внешним отношениям ведёт к конфликту интересов.

Споры о компетенциях Высокого представителя и Президента Европейского Совета указывают на кризис власти в ЕС. Практика использования Лиссабонского договора показывает, как много зависит от детерминации личностей, исполняющих обязанности. Деятельность Кэтрин Аштон как Высокого представителя подтвердила мнение, как много зависит от того, какой есть политическая позиция и личные качества нового Высокого представителя, а также Президента Европейского Союза и президента Комиссии – трёх лиц внешней политики ЕС.

На лиссабонские реформы положено много ожиданий. Однако, введённые теоретические решения сталкивались с трудностями в их реализации. Их источником, в меньшей мере, есть замешательство в компетенциях, а в большей степени – нежелание стран-членов ЕС укреплять внешнюю позицию ЕС. Европейские СМИ показали выбор Кэтрин Аштон как доказательство нежелания изменений в отношении проведения расширенных действий на международной арене. Её выбор – это чёткий знак, кто должен быть на первом месте формирования внешней политики. Высокий представитель был закрыт в треугольнике институций Совет-Комиссия-Парламент и зажат в расхождении интересов государств-членов ЕС. Возлагалось много ожиданий на укрепление полномочий Высокого представителя, но они остались невыполненными.

Кэтрин Аштон была доверена неисполнимая миссия, она подвергалась критике за то, что не делает чудес на международной арене. Восприятие её особы перенеслось на восприятие её функций, а это очень неблагоприятный сигнал. Каденция Кэтрин Аштон повлияет на сферу действий следующего исполнителя функций Высокого представителя. Критика её деятельности связана с недоверием к основам лиссабонской реформы, которая не дала ответа на главный вопрос: Верховный представитель должен быть исполнительным чиновником или политическим провидцем, должен сосредоточиться на позитивных действиях или провозглашать пламенные речи, чтобы вызвать у публики овации (за это получить прозвище европейского лидера), принять позицию тактика или стратега.

ЛИТЕРАТУРА

1. Osica O. Europejska Służba Działań Zewnętrznych. Implikacje dla instytucji i stosunków zewnętrznych Unii Europejskiej, «nowa Europa», «Przegląd natoliński» / O. Osic, R. Trzaskowski R. – 2009. – № 2(3). – S. 8.
2. Rijks D. European Diplomatic Representation in Third Countries: Trends and Options / D. Rijks, R. Whitman // Towards a European Foreign Service. European Policy Centre Working Paper. – № 28. – S. 35–47.
3. Europejski Trybunał Sprawiedliwości w orzeczeniu dotyczącym wspólnego działania ECOWACS wyraźnie stwierdził, iż w sytuacji, w której Unia chce osiągnąć równocześnie dwa cele naraz (bezpieczeństwo i pomoc rozwojową), działania muszą się opierać na metodzie wspólnotowej. Por. C-91/05, Komisja przeciwko Radzie, Dz. U. C 171 z dnia 05.07.2008.
4. Pawlicki J. Pożegnanie Solany / J. Pawlicki // «Gazeta Wyborcza». – 2009.
5. Por. : Menon A. Limited Ambition / A. Menon // «Global Europe». – 14 December 2009; Why Europe Ended Up with High Rep Ashton / D. Rennie // «The Economist». – 26 November 2009; Van Renterghem M. La discrète Lady Europe / M. Van Renterghem // «Le Monde». – 10 Décembre 2009; Solana J. «La crise met en avant le besoin d'une coopération approfondie» / J. Solana // «Le Monde». – 3 Décembre 2009; Lorenz W. Unia wystraszyła się własnych decyzji / W. Lorenz // «Rzeczpospolita». – 20 listopada 2009; Słojewska A. Nieznani politycy na czele UE / A. Słojewska // «Rzeczpospolita». – 19 listopada 2009; Parker G. Brown rebuffed as Barosso favours France / G. Parker, A. Barker // «Financial Times». – 27 November 2009; Charlemagne. We are all Belgian now. How the European Union's horse-trading over top jobs reflects murky coalition-building // «The Economist». – 26 November 2009.
6. Por. : Barber T. Ashton reject criticism over lack of experience / T. Barber // «Financial Times». – 3 December 2009; Barber T. Ashton hits back at the critics / T. Barber // «Financial Times» / - 10 March 2010; Chaffin J. Ashton tries to rebut criticism / J. Chaffin // «Financial Times». – 5 March 2010.
7. 3 października 2008 rząd brytyjski nominował Catherine Ashton na stanowisko komisarza ds. handlu. Na stanowisku tym zastąpiła P. Mandelsona. 22 października uzyskała zatwierdzenie jej kandydatury przez Parlament Europejski. Dymisja Mandelsona związana była z objęciem przez niego stanowiska ministra w rządzie brytyjskim. Jednym z jej sukcesów w trakcie krótkotrwałego zasiadania w Komisji Europejskiej był konsensus w sprawie handlu Unii Europejskiej z Koreą Południową. Promowała ona nadanie handlowi miana środka promującego rozwój na całym świecie, w szczególności w obszarze umacniania współpracy Unii z krajami Afryki, Karaibów i Pacyfiku. Reprezentowała także Unię Europejską w czasie rozmów Rundy z Doha.
8. Howorth J. Chess or Ping-Pong? Catherine Ashton's Choice / J. Howorth // «Global Europe». – 30 November 2009 [El. source]. – Mode of access : <http://www.globeurope.com/standpoint/chess-or-ping-pong>.
9. Gros-Verheyde N. Le pire ennemi de Cathy Ashton: Barosso / N. Gros-Verheyde // Bruxelles2. – 30 April 2010.
10. Proposal for the establishment of the EEAS // Working document by Elmar Brok (AFET), and Guy Verhofstadt (AFCO), rapporteurs on EEAS. – 6/04/2010.
11. Proposal for a Council Decision of establishing the organisation and functioning of the European External Action Service. – 25 March 2010; Statement of the European Parliament, the High Representative of the Union for.
12. Foreign Affairs and Security Policy, the Council and the Commission on the European External Action Service. – Brussels, 2010. – S. 109–110.
13. Naurin D. Most Common When Least Important Deliberation in the Council of the EU / D. Naurin // British Journal of Political Science. – 2010. – № 40. – S. 31–50.
14. Nowak-Far A. Przewodnictwo Rady w obszarze Wspólnej Polityki Zagranicznej i Bezpieczeństwa / A. Nowak-Far // Prezydencja w Unii Europejskiej. Instytucje, prawo i organizacja / A. Nowak-Far / - Warszawa. – 2010. – S. 155–168.
15. Art. 2 ust. 5 regulaminu wewnętrznego Rady, przyjętego na mocy decyzji Rady 2009/937/UE z 1 grudnia 2009 r.
16. Przybylska-Maszner B. Polska prezydencja w obszarze wspólnej polityki bezpieczeństwa i obrony. Uwarunkowania, mechanizm działania, założenia / B. Przybylska-Maszner ; red. Z. Czachór, T. Szymczyński // Priorytety prezydencji Polski w Radzie Unii Europejskiej. – Warszawa. – S. 187–191.
17. Husak T. Rola Prezydencji rotacyjnej w dobie Traktatu z Lizbony / T. Husak, F. Jasiński // Prezydencja w Unii Europejskiej. Perspektywa praktyczna. Krajowa Szkoła Administracji Publicznej. – Warszawa, 2010. – S. 15.
18. Przybylska-Maszner B. Polska prezydencja ..., op.cit.
19. Baroness Ashton under fire for missing European defence summit / D. Charter, G. Keeley // «Times on-line». – 2010.
20. 18 stycznia Ashton zwołała nadzwyczajne spotkanie na którym ministrowie spraw zagranicznych zgodzili się na udzielenie Haiti pomocy humanitarnej wartej 400 mln euro. Dziennikarze skupili się na porównaniu reakcji H. Clinton z reakcją C. Ashton. Wysoki Przedstawiciel tłumaczyła, iż jej nieobecność wynikała z braku poparcia takich wizyt na terenie dotkniętym kataklizmem przez ONZ. Uznała, że nie będąc lekarzem, bądź strażakiem jej obecność na tym terenie jest zbędna. W styczniu na Haiti polecił Karel De Gucht, komisarz odpowiedzialny za pomoc humanitarną. Wizyta Ashton odbyła się w marcu 2010. Por. Barber T. Strains are showing in the EU's new foreign policy structures / T. Barber // «Financial Times». – 2010.

21. Barnier M. Francuski komisarz, skrytykował Ashton w wywiadzie udzielonym francuskim mediom / M. Barnier.
22. Waretfield B. Absent Baroness Ashton leaves Britain without a voice / B. Waretfield // «The Telegraph». – 5.01.2011. [El. source]. – Mode of access : <http://www.telegraph.co.uk> (10.04.2011). Por. Przybylska-Maszner B. Polska prezydencja..., op.cit. s. 191.
23. Missiroli A. The Lisbon Treaty and its Implications for CFSP/ESDP / A. Missiroli. – Brussels : European Parliament, PDEP, Working Paper, 2008.

Рецензенти: **Багмет М. О.** – д.і.н., професор;
Матяж С. В. – к.держ.упр.

© Пшибильська-Машнер Б., 2012

Дата надходження статті до редколегії 21.05.2012 р.

ПШИБИЛЬСЬКА-МАШНЕР Беата – адьюнкт на кафедрі досліджень європейської інтеграції на факультеті політичних наук і журналістики Познанського державного університету ім. Адама Міцкевича (Польща).